

— По-хорошему, уездный судья ещё сегодня должен был вызвать тебя к себе, — прихлебывая горячий чай, заметил Чэн Да. — Расспросить о колодниках, дать указания: кого за какое прегрешение упекли, как стеречь, в кандалы ли заковать или просто суда ждать...

— Я знаю. Статьи, по которым их обвиняют, и впрямь довольно странные, — кивнул Дин Тянь. Он был грамотным и, когда расписывался в приёмном листе, успел мельком пробежать глазами сопроводительные бумаги. — С Ху Мацзы всё ясно, вы и сами знаете: отъявленный разбойник. Говорят, на его счету не один грабёж, да и в застенках он частый гость — со счёта сбиться можно. Преступник опасный, приговорён к отсечению головы. Вот только срок казни не назначен. Видно, наш уезд для таких дел слишком мелок. Подобных душегубов обычно отправляют под конвоем в столицу, чтобы казнить осенью, после вынесения окончательного вердикта.

— С остальными сложнее. Вон тот, Ван Юдэ, сидит за казнокрадство и мздоимство, но сколько именно он прикарманил — ни слова. К тому же он всего лишь счетовод. Грубо говоря, в бумагах даже поленились записать, у кого он воровал: на казенной службе состоял или у частного купца книжки вёл. Известно лишь, что впаяли ему двадцать лет. А Ван Цзо вроде как купец, осуждённый на десять лет за утайку пошлин и уклонение от налогов...

— И что тут такого? Обычные дела, — пожал плечами Лю Сэнь. Заметив, что трактирщик наконец принёс горячее, он первым делом положил Дин Тяню в пиалу сочный кусок мяса. — Налегай давай. Всю ночь на ногах, наголодался, небось.

— Вот именно: приговор вынесен, а подробностей — с гулькин нос, — нахмурился Чэн Да, тоже почуяв неладное. — Да и доставили их за полночь. Какой конвой станет возить арестантов в глухую ночь? К тому же личный советник Син строго-настрого запретил нам болтать лишнее.

— Вот как? — Дин Тянь поднял взгляд. — И что же сказал личный советник Син?

— Велел держать язык за зубами и без надобности в темницу не соваться — мол, нечего на новеньких глазеть, — ответил Чэн Да. — Но ты ведь сам знаешь, как дела в управе делаются: едва за порог ступает новый колодник, нам, служкам управы, положено знать, что он за птица, чтобы... ну, сам понимаешь.

Он многозначительно потёр большой палец об указательный:

— Своё взять. Понимаешь ведь?

— Понимаю, — кивнул Дин Тянь.

Кому, как не ему, знать эти повадки?

Служки управы перебивались с хлеба на квас, жалованье получали копеечное. Но стоило в

уезде появиться новым арестантам — для стражи наступали сытые дни. Тут тебе и взятки за поблажки, и поборы с родственников, и откровенное вымогательство. На этом они и держались.

Подобное мздоимство давно превратилось в обычай. Дин Тянь всей душой не принимал этих порядков, однако прекрасно понимал: в одиночку против течения не поплёшь. Попробуй он вставить палки в колёса — мигом прослывет белой вороной, и сослуживцы его просто сожрут.

Оставалось лишь смириться и принаравливаться к суровым законам времени и местным «особенностям» службы.

— Но личный советник Син совать нос запретил, — продолжил жаловаться Чэн Да. — И ладно бы только это. Самое странное — колодников привезли, а истца и в помине нет! Вот мы и решили у тебя разузнать: уездный судья-то наш ничего не говорил? Вдруг он решил всё серебро себе в карман нагрести, а нам даже объедков с барского стола не оставит?

Уезд Бычьего Рога — глушь несусветная, громких преступлений здесь испокон веков не водилось. Да и в окрестных деревнях все друг другу сватья да кумовья — много ли сдерёшь со своего же брата? Совесть замучает.

Другое дело — заезжие чужаки. Тем более эти новенькие с виду казались людьми весьма зажиточными.

Когда Чэн Да с Лю Сэнем волокли их в баню отмывать, они успели всё хорошенько разглядеть. Ху Мацзы — тать прожжённый, к такому без ножа не подступишься, себе дороже. А вот двое других — птицы иного полёта, из благородных. По одной только справе и белью было видно, что деньжата у них водятся.

— Ну так что, Тянь-эр? Слышал чего-нибудь? — с надеждой в голосе спросил Лю Сэнь. Ему тоже до смерти хотелось разжиться лишней монетой. Праздники уже на носу, а у него за весь год в карманах шаром покати.

— Откуда у меня вести? — Дин Тянь лишь горько усмехнулся. — Сами же знаете, уездный судья меня к себе даже не вызывал.

— Да чем он там вообще занят? — в один голос проворчали служки управы.

— И всё же, — задумчиво произнес Дин Тянь, — мне этот купец, Ван Цзо, кажется весьма подозрительным.

— Подозрительным? Как по мне, так счетовод этот, Ван Юдэ, куда чуднее! — махнул рукой Чэн Да. — Здоровенный мужик, а слёзы так и льёт, сопли на кулак наматывает. Сразу видать — трус и ничтожество. Небось, как казну обворовывать — так рука не дрожала, а как прижали

хвост, так сразу о пощаде запел.

<http://bllate.org/book/19387/1997478>